

Студенческий научный электронный журнал

StudArctic Forum

2022. Т. 7, № 2

Главный редактор
И. М. Суворова

Заместитель главного редактора
А. А. Малышко

Ответственный секретарь
П. С. Воронина

Редакционный совет

С. В. Волкова
М. И. Зайцева
Г. Н. Колесников
В. С. Сютёв
В. А. Шлямин

Редакционная коллегия

А. Ю. Борисов
Р. В. Воронов
Т. А. Гаврилов
Е. О. Графова
Л. А. Девятникова
А. А. Ившин
А. А. Кузьменков
Е. Н. Лузгина
Ю. В. Никонова
М. И. Раковская
А. А. Скоропадская
Е. И. Соколова
И. М. Соломещ
А. А. Шлямина

Службы поддержки

Е. В. Голубев
А. А. Малышко

Издатель

ФГБОУ «Петрозаводский государственный университет»
185910, Россия, Республика Карелия, г. Петрозаводск, ул. Ленина, 33.

Адрес редакции журнала
185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, ул. Ленина, 33.
E-mail: saf@petrsu.ru

<https://saf.petrso.ru>

Scientific journal
StudArctic Forum

2022. Vol. 7, No. 2

Editor-in-Chief
Irina M. Suvorova

Deputy Editor-in-Chief
Anton A. Malyshko

Executive secretary
Polina S. Voronina

Editorial Council
Svetlana V. Volkova
Maria I. Zaitseva
Gennadiy N. Kolesnikov
Vladimir S. Syuneyev
Valery A. Shlyamin

Editorial Team
Alexey Yu. Borisov
Roman V. Voronov
Timmo A. Gavrilov
Elena O. Grafova
Lyudmila A. Devyatnikova
Alexander A. Ivshin
Alexander A. Kuzmenkov
Elena N. Luzgina
Yulia V. Nikonova
Marina I. Rakovskaya
Anna A. Skoropadskaya
Evgeniya I. Sokolova
Ilya M. Solomeshch
Anastasia A. Shlyamina

Support Services
Evgeniy V. Golubev
Anton A. Malyshko

Publisher
© Petrozavodsk State University, 2022

Editorial office address
Petrozavodsk State University
33, Lenin Ave., Petrozavodsk,
185910, Russian Federation
E-mail: saf@petrsu.ru

<http://saf.petrso.ru>

Философия и религиоведение

Т. 7, № 2. С. 105—115

Научная статья

УДК 1

ЕРМАКОВ
Андрей Алексеевич

бакалавриат, Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация),
andryopr@mail.ru

КОНСТИТУИРОВАНИЕ ДРУГОГО В ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ЖАКА ЛАКАНА И ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ ЭДМУНДА ГУССЕРЛЯ НА ПРИМЕРЕ ФИЛЬМА ИНГМАРА БЕРГМАНА «ЧАС ВОЛКА»

Научный руководитель:

Кабанова Лилия Ивановна

Рецензент: Е. О. Бурачевская

Статья поступила: 30.03.2022;

Принята к публикации: 02.05.2022;

Размещена в сети: 22.06.2022.

Аннотация. В статье рассматривается одна из ключевых дискуссионных проблем XX и XXI века – проблема “другого”. Инаковость, как философская тема затрагивается многими философскими и религиозными течениями, как сфера, адресующая к экзистенции самого человеческого существа. Бытие в мире и бытие для других входит в круг проблем гносеологии и эпистемологии, к которым относятся труды немецкого философа Эдмунда Гуссерля и французского философа, психоаналитика Жака Лакана. Работы последних посвящены различным вопросам, и, в том числе, вопросу “другого”. В данной статье предпринята попытка сравнения данных подходов в отношении проблемы инаковости, проблемы “другого”, принципиально иного, отличного от “меня”, во всех “моих” проявлениях, на примере фильма Ингмара Бергмана “Час волка”. Практический анализ фильма с опорой на рассмотренную в статье методологию позволит выявить, а затем и сравнить основные положения подходов, столь сильно повлиявших на весь философский дискурс современности.

Ключевые слова: другой, психоаналитический дискурс, Эдмунд Гуссерль, Жак Лакан, феноменология, Ингмар Бергман, бытие, конституирование

Для цитирования: Ермаков А. А. Конституирование другого в психоаналитическом дискурсе Жака Лакана и феноменологической философии Эдмунда Гуссерля на примере фильма Ингмара Бергмана «Час волка» // StudArctic Forum. 2022. Т. 7, № 2. С. 105—115.

Со времён античной философии, и даже в более раннем - мифологическом мышлении, по нынешний день бытие ближнего является в своём актуальном статусе темой, достойной к вопрошанию. Как отмечает Г.И. Беневиц, в своём вступительном слове к книге Э.Левинаса «Время и Другой», «другой», наряду с речью или языком, самой средой выговаривания, ставшей объектом пристального внимания Хайдеггера, становится в центр современной философии. Изучением данной проблематики занимались такие великие мыслители конца XIX и всего XX века, как М. Бубер, М. М. Бахтин, Э. Гуссерль, Ж. Лакан, Ж.-П. Сартр, Э. Левинас, М. Мерло-Понти, Ж. Деррида и др. Столкновение человека с экзистенциальными данностями эпохи постмодернизма актуализирует проблему определения бытия другого, как такового, и требует не только её объяснения и описания, но и качественно-глубокого осмысления и толкования. В первом приближении, осмысление данного вопроса фундируется в «единственном действительном мире», *жизненном мире*, в обращении, адресации к другому, как *означающему*. Значение другого в жизни человека в самом широком смысле трактуется, как отношения, данные в развёртке и протяжённости на всех уровнях человеческого бытия. Они проявляются в общественной (социально-культурной), межличностной и глубоко интимной сфере человеческого существования. Отношения общественные затрагивает наука

социология, вместе с культурологией раскрывая символические взаимосвязи отношений человека и общества, общества и культуры. Отношения межличностные затрагивает психологическая сфера научного знания, раскрывая их в понятиях социальной апперцепции, со-чувствия, со-переживания и эмпатии. Она же претендует на создание теоретической модели для глубоко интимного уровня человеческих взаимоотношений. Под интимностью в данной работе понимается обнажённая сокровенность собственного бытия перед взглядом другого. Но настоящая интимность *наличествует (есть)* лишь в бытии, и только *является* в терминологии жизни-деятельности, поведения, коммуникации и т.д.

В данной статье будут рассмотрены подходы двух мэтров западноевропейской мысли, представителей совершенно различных подходов континентальной философии: феноменологии в лице Эдмунда Густава Альбрехта Гуссерля и структурализма Жака Мари Эмиля Лакана. Целью рассмотрения является определение сходств и различий основных положений, затрагивающих тему конституирования другого, как такового, в семинарах Жака Лакана 1953-1954 и 1954-1955 годов, «Работы Фрейда по технике психоанализа» и « «Я» в теории Фрейда и технике психоанализа» соответственно, и ключевой работе Эдмунда Гуссерля «Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии», на примере кинематографической работы Э.И. Бергмана «Час волка». В задачи исследования входит: теоретический анализ вышеприведенных источников с выявлением и определением базовых (ключевых) понятий, касающихся нашей темы, анализ фильма с опорой на рассмотренную методологию и сравнение результатов исследовательской работы по определённым критериям. Объектом исследования является «другой» в теориях Ж.Лакана и Э.Гуссерля. Предметом исследования является конституирование «другого», как такового, в теориях Ж.Лакана и Э.Гуссерля, данное через отношение к нему самому. Мы предполагаем, что есть различия в теоретических подходах к конституированию другого, как такового, в теориях Ж.Лакан и Э.Гуссерля. Основным методом научно-исследовательской работы является теоретический анализ и синтез.

В представленном теоретическом исследовании мы стремимся приблизиться к пониманию и осмыслению того, как отношения *есть*; отношения того другого, абсолютно иного и того, кого мы называем собой, говоря «Я». Отношения невозможны без экзистенциально-онтологического присутствия другого, его обнаружения здесь бытия. Каким образом «Я», или тот, кто стоит за этим словом, имеет возможность видеть другого, оставаясь при этом иным и быть иным, общаясь при этом с другим? Точнее, как происходит, что тот, кого мы называем собственным «Я» имеет возможность помыслить бытие мыслящие, сознательное бытие, принципиально отличное от бытия собственного?

В книге, посвящённой обсервационной философии, А.М.Пятигорский пишет: «Я знаю, что я думаю о мышлении» [Пятигорский, 2019 : 17]. Высказывание можно сократить до общего предикативного характера: «Я знаю, *что* я думаю». Важно отметить смысловое ударение на слово «что», а не на слово «думаю», ведь в противном случае фраза бы звучала следующим образом: «Я не знаю, что я *думаю*», так как «Я» не обладает знанием о том, что оно думает, но обладает знанием о предмете мышления. Что обычно думает «Я»? Некоторое мыслительное, непосредственно данное содержание сознания, которое включает в себя множество пространственно-временных явленностей. Они всегда даны в некотором отношении к той мыслительной категории «Я», в том числе в таком же отношении даны и другие люди, как другие «Я». Отношение к другому, другому «Я» реализуется в внутреннем и внешнем - сознательном - диалоге, т.е в общении, целенаправленной речи. Но другой, принципиально, не может быть просто другим «Я», которое собственное «Я» узнаёт по принципу похожести и тождественности. И другой это не просто то, что собственное «Я» *думает*. Другой - это принципиально иной, обладающий собственным бытием. Бытие другого всегда неожиданно. Лакан говорит: «Другой есть, потому что он говорит не то, что мы думаем». Но так ли происходит в нашем внутреннем и внешнем диалоге? В сознании, обычно, всё ожидаемо, мы думаем то, *что* мы думает, и никто не говорит того, *чего* мы не думаем. Тот ли другой с кем мы ведём (внутренний) диалог наедине с самим собой истинно иной? Так на

первый взгляд могло бы показаться т.к. в воспоминаниях приходят к нам образы реальных людей. И тот ли другой с кем мы ведём автоматизированные, предсказуемые беседы (внешний диалог) истинно другой? В обоих случаях другой предстаёт в виде некоторой опоры для собственного «Я», ожидаемо обнаружимую в своей предсказуемости исходя из предвосхищающей мысли, желания собственного Я. Вот, что говорит по этому поводу Лакан: другой тем меньше является подлинно другим, чем исключительнее становится его функция опоры». Для Лакана речь, несомненно присутствующая во внутреннем и внешнем диалоге, имеет две функции, одна из которых - опосредование, опосредование между субъектом и другим, в ходе которого происходит реализация другого [Лакан, 1998/2019 : 67], но не как такового, а как того, с кем мы можем себя объединить. Тот другой, с кем мы обычно ведём сознательный диалог, соотносимся, в терминологии Жака Лакана получил название «маленький другой». «Большой Другой» — это истинно иной, истинный Другой субъект, а не другие Alter-Ego «Я», субъект, который и есть суть то, о чём нам - т.е. собственному Я - ничего не известно [Лакан, 1999/2021:348]. Прежде, чем подробнее разобраться с вопросом конституирования другого, как такового, при условии отсутствия о нём какого-либо знания, нас стоит принять во внимание три топика Жака Лакана, основные для всех его теоретических построений: воображаемое, символическое и реальное.

Воображаемое для Лакана это пространство «Я», Эго. Здесь стоит отметить, что субъект и «Я» — это взаимосвязанные, но эйдетические разные категории. « «Я» — это воображаемая конструкция « [Лакан, 1998/2019: 100]. «То, что [в том числе - примечание автора], позволяет быть нам людьми, а не лунами». Т.е. говорить с другими. «Связь Эго с другими, отношение субъекта к другому себе... является главнейшей структурой строения человека». Лакан объясняет действие топика воображаемого на примере оптики и зеркал: «...каждой точке реального пространства соответствует одна и только одна точка в другом пространстве - воображаемом. *Символическое* для Лакана — это язык. Это то, куда изначально включён субъект и знаковую систему которого он приобретает в ходе развития. В языке содержится набор означающих для *чистой реальности*. «Изначально существуют всевозможные «*вот-это*», к которым относятся объекты, инстинкты, желания, склонности и т.п. Они представляют собой простейшую *чистую реальность*, которая, соответственно, ни в чём не разграничена, которая ещё не может быть объектом какого-либо определения». Таким образом, конституирование реального происходит при определённом сопряжении символического и воображаемого. В том числе, конституирование реального, а не воображаемого, Другого имеющего онтологическую значимость, Логос и собственный, исключительный способ бытия. «Маленький другой» — это способ бытия для себя; «Большой Другой» — это способ бытия в себе.

Вышеизложенное поможет нам разобраться в следующей схеме, приведённой Жаком Лаканом на семинаре 1955 г. (рисунок 1):

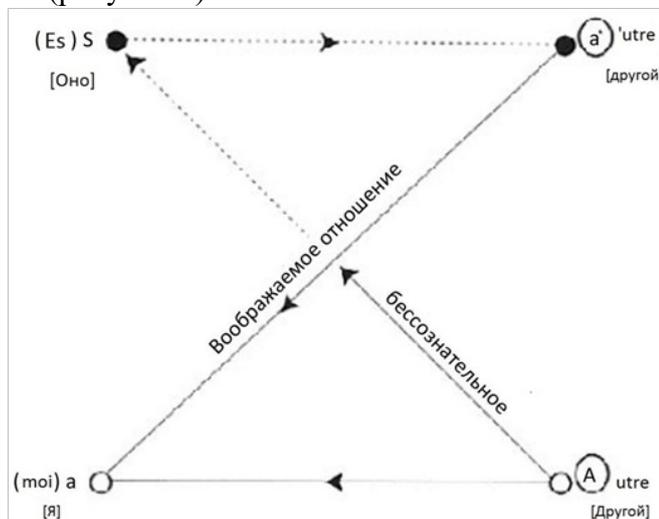

Рис. 1. Соотношение собственного Я и другого, субъекта и Другого

Данная схема призвана проиллюстрировать соотношение собственного Я и другого, субъекта и Другого. От Ego (Я) к другому стрелочкой отмечено воображаемое отношение, от Другого к субъекту – бессознательное отношение.

Исходя из схемы, мы видим, как уже было указано выше, что субъект и “Я” “вещи” разные. “Человеческое познание и вся сфера связей сознания, определяется опредмеченными отношениями с той структурой, которую мы называем Ego – структурой, вокруг которой строятся наши воображаемые отношения” [Лакан, 1999/2021 : 250]. В воображаемые отношения входят Ego и другой. “...Ego представляет собой соотношение с другим, именно в другом берёт оно своё начало и точку опоры” [Лакан, 2010/2019 : 32]. При этом обращение происходит к Другому, который находится по другую сторону “стены языка”. Другой есть, но понять его, сблизиться с ним в языке мы не можем [Лакан, 2010/2019 : 32]. В связи с этим стоит различать реализацию речи и язык: “если речь основывается на существовании Другого, истинного, то язык создан для того, чтобы отослать нас к другому объективированному... собственное Я, другой, подобный, - все эти воображаемые сущности являются объектами” [Лакан, 1999/2021 : 349]. *Субъект же есть Другой*. Т.к Ego о нём ничего не знает, *отношение с Другим субъектом – это бессознательное отношение*, что мы и видим на схеме. Именно субъект знает, что он *думает*, хоть и не знает, *что* он думает, и соответственно говорит. На то, говорит Лакан, у него есть самая уважительная причина, ведь он не знает, что такое он сам” [Лакан, 1999/2021 : 349]. Таким образом, ложная объективная реальность воображаемого, засвидетельствованная в языке, опирается на реальное существование субъекта, Другого, реализованного в речи.

Речь – это заключительное, что нам следует рассмотреть в нашем теоретическом исследовании, чтобы прояснить вопрос конституирования другого в психоаналитическом дискурсе Жака Лакана. Психоаналитик говорит: “бессознательное является речью другого” [Лакан, 1999/2021 : 117]. В ходе нашего анализа мы выяснили, что бессознательное для Лакана - это пространство истинной субъективности (см. выше). Поэтому субъект, включённый в символическую систему, проявляется и утверждается в ней, в результате осуществления подлинной речи [Лакан, 1999/2021 : 117]. Подлинная речь – это призыв. Призыв – это манифестация бытия субъекта. В поле речи призыв означает возможность отказа, но его не подразумевает. Бытие неизбежно. В тот момент, когда человек откликается на призыв, оформленный в символизированной речи словом “ты” или любой другой значимой констелляцией, для субъекта устанавливаются отношения зависимости [1, стр.119]. Теперь он *есть*, непосредственно в самом экзистенциально-онтологическом смысле слова. А так же для него есть Другие. Ведь чтобы быть в отношениях, надо Быть. Присвоенная субъектом подлинная речь позволяет воображаемому и реальному начать структурироваться в символизированный мир именуемых объектов и непосредственно здесь присутствующих живых субъектов. Дарованный субъекту призыв воплощает его собственный способ бытия для себя и открывает возможность обнаружения бытия Другого.

Таким образом, в психоаналитическом дискурсе Жака Лакана другой конституируется, как “маленький другой”, в котором воображаемое “Я” берёт своё начало и находит опору, как вместилище моих собственных проекций и образ для идентификаций, как другой в отражении, и, так же как “Большой Другой”. *Последний для Лакана, это бессознательное, конституированное, как таковое* [Лакан, 2019 : 32]. Другой – это абсолютно иной, отличный от моего “Я” субъект, о котором мы ничего не знаем. “Другой – это место означающих” [Лакан, 2019 : 32]. Другой - это тот, кто призывает быть; другой – это тот, кто позволяет является.

Предметом приложения теории Жака Лакана является не только психоаналитическая ситуация, но, также и различные проявления культуры, в том числе кинематограф. Одним из ярких представителей данного направления культурной деятельности является Эрнст Ингмар Бергман, культовая фигура XX века, признанный кинорежиссёр авторского кино. Рассмотрим концепцию Жака Лакана о конституировании другого в применении к художественному фильму И.Бергмана «Час волка». Общий сюжет фильма заключается в следующем: художник

Йохан Борг с женой Альмой приезжают жить в маленький дом на острове. Йохан пишет картины, жена занимается хозяйством, у них тихий и однообразный быт, в нем много молчания, но они счастливы. На острове также живут аристократы, которые восхищаются творчеством Йохана и однажды приглашают чету Борг на вечеринку. После вечеринки Йохан сходит с ума и умирает. Начало и конец фильма представлены в виде обращения главной героини к зрителю сквозь «четвёртую стену».

Ключевым аспектом для анализа фильма становятся отношения между Йоханом и Альмой. В их рассмотрении мы будем опираться на 3 основных топика Ж.Лакана, отношения “Большого” и “маленького” другого, а так же на понятия призыва и подлинной речи.

Альма безусловно любит своего мужа и ждёт от него ребёнка. В их общении очень мало языка и речи, и много молчания. Альма на протяжении всего фильма взывает к Йохану, пытается выйти с ним на разговор, но её призыв, реализованный в речи, не получает ответа в той же форме и знаковой системе. Йохан отвечает ей своим творчеством, и только раз - в час волка - он обращается к ней на “Ты”. В начале фильма он говорит: «я знаю, я тебя нарисую. Я буду рисовать тебя день за днём». Таким образом, он обнаруживает её бытие, и, откликаясь на призыв, хочет его запечатлеть. Дискурс иного конститутивен для субъекта. Это отражается в речи Йохана в замке: «... в моём творчестве нет ничего безусловного, кроме принуждения... принуждение сильнее нас». Принуждение - это желание, требование Большого Другого. Творчество - это то, что позволяет Йохану быть, а рисунок жены - быть с Альмой. Но далее на протяжении фильма мы не видим реализации задумки. Причиной тому является надвигающееся сумасшествие главного героя – он всё больше и больше уходит в пространство воображаемого, концентрируясь на собственном Я. Альма чувствует это и задаёт ему вопрос: “я давно хотела спросить у тебя: ты меня слушаешь?”. Девушка догадывается, что слушает – и слышит – Йохан только себя самого. После неловко заданного вопроса она продолжает свою речь и говорит про желание вместе состариться с мужем, но в один момент, она замечает, что он заснул – “... что скажешь? Ты заснул?”. Йохан не может ей ответить, он не может с ней быть в языке и речи, но он есть благодаря Альме – её голос обращает его к бессознательному состоянию, состоянию истинной субъективности, тому состоянию, которое он хочет выразить в картинах, но его мир – слабо символизированный и структурированный – рушится. Йохан экзистенциально жив, но только благодаря желанию своей жены, её требованию и призыву. Отношение к другому, как к объекту, «маленькому другому» так же проявляется в сцене обеда, где Альма просит Йохана посчитать деньги: «ты должен взглянуть на мои счета — это важно, по крайней мере, для меня» - говорит она. В данный момент деньги для неё — это предмет общения. Но он не отвечает ей, молча закрывает книгу и откладывает её.

Квинтэссенцией мыслеобразов главного героя является его дневник. Дневник Йохана — это пространство его большого «Я». Пока он мог быть, благодаря призыву Альмы, благодаря её подлинной речи, которая не позволяла ему полностью уйти в пространство воображаемого, он находился в символизированной реальности, наполненной не только объектами, но и субъектами, конкретно - Альмой. Но когда Альма прочитала его дневник и погрузилась в его мысли, фантазии его собственного Я, её субъектное бытие подверглось угрозе. «Я» главного героя постепенно начало одолевать, захватывать главную героиню. В конце фильма Альма сама говорит об этом зрителю в форме вопроса: «правда, что женщина, которая долго живёт с мужчиной, рано или поздно становится такой же, как он..? ... она любит его и пытается думать, как он и смотреть на вещи, как он, говорят это может изменить личность». Девушка начинает видеть тех других, не существующих на острове людей, не отдавая себе отчёт в их иллюзорности. После вечеринки в замке, на обратном пути, она останавливает мужа и кричит ему: «Йохан, ответь мне! Я вижу, что происходит что-то ужасное... Но не думай, что я убегаю от тебя!». Муж ей не отвечает.

Ключевой сценой фильма является «час волка». Ночью, в этот час, Йохан рассказывает своей жене про насилие, которое он пережил в семье со стороны отца и матери. Мальчиком его запирали в тёмной комнате с маленьким человечком, который отгрызает пальцы на ногах у непослушных детей, а затем отец его бил палкой по спине столько раз, сколько он

заслуживает, а мать его прощала. Непомерная жестокость отца и искажённые, исковерканные отношения с матерью сформировали «разорванного субъекта», «Я» которого с трудом находит опору в другом и который сам, не доверяя Другим, с трудом не вступает с ними в истинные - субъектные - отношения. Кульминацией сумасшествия главного героя становится его откровение про убийство мальчика на скале. Данный рассказ является вербализованной метафорой самоубийства Йохана. Опору для данных выводов даёт нам кадр мёртвого тела мальчика в воде, показанная в фильме после сцены в замке, о которой пойдет речь далее. Покусавший его мальчик на обрыве — это тот маленький, отгрызающий пальцы на ногах, человечек в темноте из детства. А тот другой в темноте — это его страх, это он сам, боящийся, тот другой, на которого он смог опереться, чтобы окончательно - экзистенциально - не потеряться в абсолютной темноте. Реализуя речь об убийстве нападающего и кусающего его мальчика, он в этот же момент убивает и себя самого, лишаясь последней опоры в другом. За данной сценой Йохан уходит в мир иллюзий, в котором он взаимодействует с несуществующими персонажами замка в его коридорах и залах, проходит через целую череду встреч, хотя в реальности - по словам жены в конце фильма - он отсутствовал всего несколько минут. Важными для анализа фильма проявлениями его фантазмов являются следующие высказывания персонажей замка: «Посмотрите на себя в зеркало: это вы и не вы» - тот другой по ту сторону зеркала, чей образ нельзя присвоить, с кем невозможна идентификация, на кого не получится опереться; «вы видите то, что хотите видеть!» - уход в фантазии, пространство воображаемого, которое при этом начинает дедифференцироваться и расструктурироваться. Сцена в замке заканчивается словами главного героя: «Благодарю тебя. Предел наконец-то достигнут. Зеркало треснуло. Но что отражается в осколках...? Ты можешь мне сказать, что...?». Губы продолжают шевелиться в не-мой, не-чьей, речи. Это последнее откровение Йохана. Последний акт присутствия Йохана, как такового, в этом мире, в этой «засвидетельствованной реальности». К кому он обращается? Возможно, к Богу, но автор не даёт ответ на этот вопрос.

Фильм заканчивается словами Альмы, обращёнными к зрителю. В них она мечется между мыслями о любви к Йохану. «Если бы я только могла остаться с ним навсегда. Иногда я знаю, куда мне повернуться и становлюсь почти...». Возможно, главная героиня поворачивается к зеркалу. А возможно - к оставшемуся после смерти главного героя дневнику. В любом случае, ей придётся встретиться с тем безумием в темноте, по ту сторону стекла.

Таким образом, отношения Йохана и Альмы — это трагическая история про бытие двух людей, в которой один из них был онтологически жив лишь благодаря желанию второго, и в которой разрушительное желание первого оказалось, к сожалению, сильнее. Быть — это значит столкнуться с собственным непредвидимым и абсолютным одиночеством, разрушительным для художника. Одновременно являться - в статусе «Я» — значит находить общение, но лишь общение с другим собой, то к чему шёл Йохан на протяжении всего фильма, и одновременно разрушением чего он кончился. Быть с Другим - абсолютно иным - значит избавиться от иллюзий другого себя, столкнуться с собственным одиночеством и открыться неизвестной речи, услышать то, чего «Я» не знает, подчиниться желанию Другого и откликнуться на его призыв. То, что реализовала Альма, то, что поддерживало Йохана, но и то, что ему не удалось.

Важные открытия в сфере теории познания в начале XX века делает феноменология. В ней затрагиваются многие общие гносеологические и эпистемологические вопросы, а, так же, в частности - проблема *иного, другого*. Феноменология Эдмунда Гуссерля - это самостоятельная, отдельная и независимая наука, представляющая собой целостную гносеологическую систему, и, по мнению самого её создателя, «как бы, тайную мечту всей философии Нового Времени» [Гуссерль : 190]. Методологические предпосылки феноменологии таковы: целью её является переход от догматического мышления и естественной установки сознания (определённые интенциональные «опытные» полагания, реализующиеся в естественных науках и в сознании «наивных людей») к феноменологической установке сознания и постижение сущности вещей исходя из неё, в новом, трансцендентально

очищенном поле феноменологии. Методом достижения цели является феноменологическая *εποχή*, или феноменологическая редукция, которая открывает путь к абсолютному, трансцендентально чистому сознанию, в котором возможно постижение *эйдоса* (чистой сущности). В ходе эпохи происходит *выключение* (не отрицание и не сомнение, а закрытие «меня» от суждения «о пространственно-временном существовании здесь») не только всего естественного мира со всеми его индивидуальными предметностями, но и всех присущих им онтологий, формальной логики и трансцендентальных сущностей (понятий, не данных в своей имманентности чистому, абсолютному сознанию). Так же помещаются в скобке и люди, человек с его психологическим сознанием, и, в том числе, - сам феноменолог. Совершаемые мыслительные действия регулируются определённой *феноменологической нормой* «ясного усмотрения, по мере сущности, в чистой имманентности самого сознания» [Гуссерль : 183]. Таким образом, феноменология - есть чисто дескриптивное сущностное (эйдетическое) учение об имманентных образованиях и событиях трансцендентально чистого сознания, схватываемых в потоке переживания в рамках феноменологической редукции, и следующее исключительно интуиции (как непосредственного, ясного усмотрения) [Гуссерль : 184].

Феноменологическая рефлексия решает проблему другого в интерсубъективности. Гуссерль пишет: «Постигая их [людей] в опыте в качестве людей, я разумею и принимаю их, как субъекты Я, подобно тому, как я сам есмь Я, и как сопряжённые с их естественным окружающим миром». В данном суждении скрываются следующие предпосылки. Во-первых, наличие Картезиевого *cogito*, «я мыслю», которое имплицитно содержит в себе любое *cogitatio* - «переживание восприятия». Последнее дано в опыте, а «естественное познание [которое исходит из естественной установки сознания - прим. автора] начинается с опыта и остаётся в опыте», и это вторая соблюдающаяся предпосылка [Гуссерль : 30]. Раскрытие данных предпосылок происходит в рамках интенциональной структуры сознания, и заключается в следующем: чистое переживание сознания принимает форму (психического) состояния путём интенционального сопряжения чистого (пустого) «Я» с непосредственно данным чувственным опытом (перцепцией), упорядочивая его в «мои» или «чужие» психологические явления и «принадлежащую мне» телесность (апперцепцию). Таким образом «Я» понимает «себя». Так же «Я» понимает «другое Я», постигая его индивидуальный поток переживаний в одном - общем с ним - конституируемом мире явлений. При этом, постигаемый в психологическом переживании, другой для «Я», как и любое эмпирическое единство, есть трансцендентное бытие, по причине невозможности включения его в поток имманентно сопрягаемых интенциональных переживаний, к сущности которых принадлежит то, что их интенциональные предметы принадлежат к тому же потоку переживаний, что и они сами [Гуссерль : 116]. Следовательно, было бы немислимо предположить, что «другой» человек, как абсолютно иной субъект, мог бы репрезентироваться в сознании как-то иначе, чем посредством явлений и принципиальной соотносённости и тождественности с «самим собой».

Об этом пишет Александр Моисеевич Пятигорский: «важнейший феноменологический принцип: «другой» дан тебе в мышлении, только когда либо он уже стал тобой, перестав быть «другим», либо ты уже стал им, перестав быть собой» [Пятигорский, 1996 : 265]. Но при этом мы не можем отрицать существование абсолютного иного субъекта сознания, хоть мы и не можем его постичь в его сущности или самобытности. Абсолютно другого субъекта сознания, который дан не сейчас и не здесь, и при этом не «Я», как рефлектирующий трансцендентальный субъект, не заключающий в себе ничего, что возможно к эксплицированию; «в себе и для себя оно не подлежит никакому описанию - чистое Я» [Гуссерль : 251]. Если бы мы отрицали данную возможность - ничего бы не происходило (строго в онтологическом смысле), а что-то всё-таки происходит. Есть некоторая *принципиальная возможность неожиданности*. Есть со-бытие, совместное бытие двух экзистирующих сознаний. Поэтому «феноменология «другого» невозможна без предпосылки о «другом другом» или «третьем» [Пятигорский, 1996 : 265]. Третье, пишет А.М.Пятигорский, «это то, чем (кем) ты не можешь стать ни при каких условиях, и что (кто) не может стать тобой и, следовательно, и «другим», ибо «другой» уже был введен, как объект твоего превращения

в него или его в тебя» (там же). На пересечении конституирующих актов сознания происходят - в смысловой коннотации «есть» - события, которые можно постигать посредством явлений их в эмпирическом мире «естественных» субъектов мышления. Именно постижение событий, как результата отношений «меня», как трансцендентального субъекта, и «другого другого», как абсолютного иного мне, путём, сначала, описания, а, затем, прямого и ясного схватывания сущности непосредственно данного в чистом потоке переживаний трансцендентально чистого сознания, есть практическое применение феноменологической ελοχί. Вопросы «что происходит?» и «как происходит?», и происходит ли вообще - становятся практическим инструментарием феноменолога в подходе к решению поставленной задачи, а именно получению достоверного знания о сущности некоторой ситуации или определённо являющимся положением дел.

Прежде чем перейти к реализации метода феноменологической редукции в приложении к фильму Ингмара Бергмана «Час волка», стоит отметить, что от сущности самого события, кроме всего вышеперечисленного, неотъемлемо то, что оно есть причина существования, осуществления диалога между двумя людьми. Другой конституируется в событии и через событие. Событие, в онтологическом смысле, это то, чему обращаются, как минимум, двое, и то, что происходит в момент самого обращения. Причём, от сущности предмета или вещи, которые осмысляет сознание, неотъемлемо событие, их породившее. Происходит со-бытие со-бытия. Вопросая о бытии, человек выходит к со-бытию, обнаруживает себя в нём, и реализует его (в речи) совместно в бытии с другим.

Обратимся к феноменологическому опыту созерцания картины И.Бергмана «Час волка». Уже известный нам сюжет с самого начала предстаёт перед нами в новых красках: главная героиня переживает произошедшие события в начале фильма, обращаясь в формате интервью к зрителю. Можно предположить, что переживание всего фильма есть переживание случившейся истории в сознании самой главной героини. Исходя из этого, далее, все со-бытия представленные нам в фильме будут восприниматься и анализироваться через определённую интегральную перспективу, опосредующую опыт происходящего. Нашей задачей будет, по прежнему, определить отношения между Йоханом и Альмой, с учётом вышесказанного, а так же с ясностью различить сущность непосредственно данного постигающему сознанию. Фильм также раскрывает проблематику темпоральности сознания. Когда происходят события фильм - относительно временной прямой - неизвестно и не понятно, нам дано лишь переживание сознания так, как оно есть (под определённым углом зрения, конечно), без учёта свойства линейности времени (с другой стороны, об этом же пишет и Ж.Лакан, говоря, что «история не является прошлым» [Лакан, 1998/2019 : 20])

Приезд главных героев на остров — это событие начала истории. Переживание входа в дом и открывающегося окна - раскрывает сущность их быта, места и времени начала их существования и переживания Альмой произошедших со-бытий.

В сцене «зарисовки» около яблочного дерева, мы видим конституирование Йохана Альмой через её образ, зафиксированный самим художником в процессе письма картины. В творческом акте - без прецедентно трансцендентальном постижении картины и её сущности - существовании акте другого. Сам рисунок — это со-бытие, где Альма конституируется Йоханом, но на самом деле, Йохан конституируется Альмой через это событие в самих их отношениях художник-натура, муж-жена, любящий-любимый.

В следующей, третьей по счёту, сцене нам дано переживание боли и страдания мужа, того другого, кем стал «Я» (Альма).

Сцена четвёртая - ночь. Йохан делится с Альмой «ими». Трансцендентально данные в опыте и являющееся Альме как рисунки, на самом деле в своей имманентности, абсолютности, сущностной данности сознанию, они есть указание на страдающее бытие её мужа (прерывающееся экзистирование). Само же переживание акта созерцания рисунков - есть осуществление отношений между ними, и таким образом, поддержания бытия другого другого. «Ты пока не спи. Через час или, может быть, меньше, начнётся рассвет, тогда я и смогу заснуть».

«Думать мыслями друг друга» — значит принципиально переживать одно «Я». Одна трансценденция, одно лицо, одно экзистирование. «Лица их принимают общее выражение», - на языке трансцендентальной феноменологии значит - общее переживание. Но такое невозможно. Интенция Альмы может погубить их обоих.

Сцена пятая - утро, следующий день. Переживания сознания Йохана начинают захватывать Альму. Те трансценденции, на которые указывал этой ночью Йохан, «материализуются» в качестве «реальных» объектов восприятия - «старуха, та, что всегда угрожает, что снимет шляпу». Явившиеся, и глубоко пронизывающие само естество главной героини, «они» - персонажи, рисуемые Йоханом - имманентны ей в чистом сознании, в качестве переживания страдания. Данное в своей чистоте она интенционально сопрягает в определённые психические состояния, выражая экзистирующее бытие самого сознания в кажимость, т.е. воплощая его в так представленный и данный опыт. Эти «другие», конституируемые Альмой, не представляют в своей сущности ничего иного, как чистое переживание страдания её мужа, проникшее в самую суть её бытия. Погружение в мысли её мужа, являющиеся как его дневник, приводят к тому, что она постепенно начинает получать то, чего она хочет. То, на что направленно её сознание, и выражающееся в намерении: «я хочу, чтобы мы вместе с тобой состарились [в коннотации «приобрели одно лицо» - прим. автора], чтобы мы научились думать мыслями друг друга». В конце фильма, как мы уже знаем, она будет вопрошать к этому - своему разрушающему намерению, к своей любви, но об этом позже.

По сути, нам не важны «экземпляры», с которыми нас знакомит дневник Йохана (владелец острова, девушка в белом платье, еврей-аналитик и другие), нам так же лишь косвенно важны те выводы, которые мы можем сделать относительно самого Йохана (даже не смотря на то, что он дал нам в переживании Альмы), исходя из анализа этих персонажей в отношении к нему самому, как говорящих в первую очередь о нём. Нам важно, исходя из целей данной работы, увидеть, ясно различить и усмотреть аспекты и нюансы конституирования другого, которые помогут нам выстроить структуру данного акта. Нам важно суметь обратиться к тому, *что (кто)* конституируется, в той степени, в какой это нам поможет понять, как это (он - другой) конституируется. Поэтому всё вышеперечисленное - характер персонажей Йохана и его самого, история его страдания - учитывается лишь опосредованного по отношению, к только что озвученной, общей цели исследования.

Всё большее погружение в переживание мира — опыта, стремящегося решиться кажимостью - своего мужа обрывается в кульминационной точке фильма — исчезновении Йохана. Именно “обрыв” есть та феноменологическая дата, которая постулирует — в действительности — исчезновение Альмы. Альма приобретает *лицо* мужа (она становится другой — другим, в данном случае) ставя его перед лицом Бога, к которому тот обращается: “благодарю тебя — говорит он — предел достигнут. Зеркало треснуло. Но что отражается в осколках? Ты можешь мне сказать что...?”. Смерть — это последний (крайний — за которым ничего нет) акт вопрошания. Уже больше нет того другого, с кем в отношениях смог бы быть Йохан, как *другой другой*. Об этом говорит сама Альма в конце фильма, вновь обращаясь к зрителю, так же затрагивая этические вопросы. “Если бы я любила его чуть меньше и не волновалась так сильно о том, что с ним происходит, могла бы я лучше его защитить...?” — задаётся вопросом главная героиня фильма. «Самоопределение в присутствии Другого», есть определение, по словам Э.Левинаса, этики. Таким образом, проводя феноменологический анализ фильма, мы видим, что в своей сущности *вопрос конституирования другого, есть вопрос философии другого в целом — вопрос этический*.

Переходя к сравнительной части нашего исследования, следует отметить, что анализ фильма в обоих случаях опирался на изучение отношений между Альмой и Йоханом, с позиций двух различных, и интересующих нас, методологий. Исходя из них, будут выдвинуты следующие критерии для сравнения результатов, полученных в ходе анализов фильма: ***понятие и понимание другого, как такового; структура акта конституирования и позиция конституирующего.***

Сходства Лакана с Гуссерлем обнаруживаются в понятии и понимании другого, как такового. Большой Другой в понятиях Ж.Лакана, есть другой другой в понимании феноменологии. Это тот Другой, который не есть Я ни коим образом, которым Я никогда не станет, и о котором Я ничего не знает. Так же сходства обнаруживаются в данности другого сознанию, как другого меня. Воображаемое для Лакана есть кажимость для Гуссерля; отношения субъекта к другому себе, как связь Эго с другими людьми, есть интересубъективность Гуссерля, полагание другого в опыте, объективация его в трансценденции. Общим будет так же некоторая философская категория неожиданности, попытку определения которой мы пытались предпринять в данном исследовании. Неожиданность и со-бытие, это то, в чём есть и с чем нам всегда является истинно Другой человек.

Различия наблюдаются в актах конституирования другого, как такового, и в позиции конституирующего. Относительно первого можно сказать, что конституирование всегда есть отношение, для Лакана истинные отношения есть отношения бессознательные, а для Гуссерля, проблематика бессознательного не ставится. Так же принципиальная разница наблюдается в самих позициях конституирующего субъекта. Для Гуссерля другой – этот тот, кого конституирует *cogito*, по сути, кого «ты», как Собственное Я конституируешь. Для Лакана же конституирование другого это акт, применённый к самому человеку, со стороны Большого Другого. Это требование, желание Другого, наделяющее то, что зовётся “собой”, “Я” - бытием.

В заключении, обратим наше внимание на **методический вывод**, относительно самого **анализа**, по отношению к рассмотренному в данной работе предмету. Он приобретает собственные характерные черты и указывает на различные аспекты отношений, в зависимости от использования той, или иной теоретической базы. Метод феноменологической редукции и трансцендентального анализа Э.Гуссерля позволяет производить анализ отношений, как анализ со-бытий, и со-бытий со-бытий, шаг за шагом погружаясь в непосредственно данное, к самому бытию, к тому, *что* и *как* есть, и происходит на самом деле. Ответ же на вопрос - «с кем происходит?» - в анализе отношений, даёт больше психоаналитический дискурс Ж.Лакана. Понятийный аппарат французского философа, использующийся, как метод изучения действительной, опытной реальности, адресует больше коммуникационному аспекту отношений, оперируя понятиями языка и речи, по сути - символических структур. Таким образом, разумный (в известных пределах) синтез двух методов позволит прийти к раскрытию сущности *со-бытия в речи Другого*, открывая путь к *языку, как дому бытия* [Хайдеггер : 266].

Таким образом, в статье были рассмотрены ключевые понятия теорий Жака Лакана и Эдмунда Гуссерля, относительно проблематики конституирования другого, как такового, проанализированы фильмы с опорой на разработанную по данной тематике методологию, и произведены аналитические сравнения по выдвинутым критериям результатов исследовательской работы. Результатом всей нашей работы стали выявленные сходства и различия двух влиятельных концепций XX века в отношении к проблеме Другого.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга первая: общее введение в чистую феноменологию. Москва: Академический проект, 2019. 489 с.

Лакан Ж. Перенос. Москва: Гнозис/Логос, 2019. 432 с.

Лакан Ж. Работы Фрейда по технике психоанализа. Москва: Гнозис/Логос, 1998/2019. 432 с.

Лакан Ж. Тревога. Москва: Гнозис/Логос, 2010/2019. 432 с.

Лакан Ж. «Я» в теории Фрейда и в технике психоанализа Москва: Гнозис/Логос, 1999/2021. 528с.

Пятигорский А. М. Мышление и наблюдение: четыре лекции по наблюдательной философии. Санкт-Петербург: Азбука, 2019. 192 с.

Пятигорский А. М. Избранные труды. Москва: Школа «Языки русской культуры», 1996. 590 с.

Хайдеггер М. Время и бытие : статьи и выступления. Санкт-Петербург: Наука, 2007. 621 с.

Philosophy and Religious Studies

Original article

Andrey A. ERMAKOV

bachelor's degree, Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russian Federation),
andryopr@mail.ru

THE CONSTITUTION OF THE ANOTHER IN THE PSYCHOANALYTIC DISCOURSE OF JACQUES LACAN AND THE PHENOMENOLOGICAL PHILOSOPHY OF EDMUND HUSSERL ON THE EXAMPLE OF INGMAR BERGMAN'S FILM "THE WOLF HOUR"

Scientific adviser:

Lily I. Kabanova

Reviewer: E. Burachevskaya

Paper submitted on: 03/30/2022;

Accepted on: 05/02/2022;

Published online on: 06/22/2022.

Abstract. The article deals with one of the key debatable problems of the XX and XXI centuries – the problem of the “another”. Otherness, as a philosophical topic, is touched upon by many philosophical and religious movements, as a sphere addressing the existence of the human being himself. Being in the world and being for others is included in the range of problems of gnoseology and epistemology, which include the works of the German philosopher Edmund Husserl and the French philosopher, psychoanalyst Jacques Lacan. The works of the latter are devoted to various issues, including the issue of the “another”. This article attempts to compare these approaches in relation to the problem of otherness, the problem of the “another”, fundamentally different from “me”, in all “my” manifestations, using the example of Ingmar Bergman's film "The Wolf Hour". A practical analysis of the film based on the methodology discussed in the article will allow us to identify, and then compare, the main provisions of the approaches that have so strongly influenced the entire philosophical discourse of our time.

Keywords: another, psychoanalytic discourse, Edmund Husserl, Jacques Lacan, phenomenology, Ingmar Bergman, being, constitution

For citation: Ermakov A. A. The constitution of the another in the psychoanalytic discourse of Jacques Lacan and the phenomenological philosophy of Edmund Husserl on the example of Ingmar Bergman's film “The Wolf Hour”. *StudArctic Forum*. 2022; 7(2): 105—115.

REFERENCES

- Heidegger M.* Time and Being : articles and speeches. Saint Petersburg: Nauka, 2007. 621 p.
- Husserl E.* Ideas for Pure Phenomenology and phenomenological philosophy. Book One: A General Introduction to Pure Phenomenology. Moscow: Academic Project, 2019. 489 p.
- Lacan J.* Transfer Moscow: Gnosis/Logos, 2019. 432 p.
- Lacan J. Freud's works on the technique of psychoanalysis. Moscow: Gnosis/Logos, 1998/2019. 432 p.
- Lacan Zh.* Anxiety. Moscow: Gnosis/Logos, 2010/2019. 432 s.
- Lacan J.* "I" in Freud's theory and in the technique of psychoanalysis Moscow: Gnosis/Logos, 1999/2021. 528 p.
- Pyatigorsky A. M.* Thinking and Observation: Four lectures on observational philosophy. Saint Petersburg: Azbuka, 2019. 192 p.
- Pyatigorsky A. M.* Selected works. Moscow: School "Languages of Russian culture", 1996. 590 p.